

ОНИ КОВАЛИ ПОБЕДУ

ОЧЕНЬ ДОРОГ
СТАРЫЙ ПИДЖАК...

Роза ГАЗИМОВА.

Так получилось, что живу я в городе, за который проливал свою кровь мой отец, Абдулла Зяббарович Газимов, младший сержант, командир отделения разведки 135 стрелкового полка. Мне кажется, до сих пор его дыханием наполнены и белые ночи, и ладожский ветер, и городские улицы. Написать о папе хотелось всегда, ведь он в своё время столько рассказывал о своих фронтовых дорогах, но лишь теперь, в юбилейный год, я, наконец, собралась с мыслями и взялась за это непростое дело.

В Болгаре его помнят как весёлого, вечно подшучивающего над кем-то человека. Но никто, кроме его близких, не знал, каким ледянящим душу голосом кричал он во сне. Душевные и физические раны кровоточили у него до конца жизни.

Папа был малограмотным. За одно полено (больше платить было нечем) брал уроки у мullah. Но для меня до сих пор остаётся загадкой, почему перед смертью

– нынешний карельский Приозёрск). Бои там шли жестокие, обстановка создавала реальную угрозу прорыва фашистских войск к Ленинграду, о неминуемом падении которого уже сообщало немецкое радио. Кексгольмское направление – одно из тех, где решалась судьба города. Я всегда интересовалась историей Великой Отечественной войны, а обороной Ленинграда – тем более. В одной из книг прочитала, что на Кексгольмском направлении в живых не осталось никого. Выходит, отцу повезло...

Он рассказывал, что Карелия была просто набита фашистами, и задания разведчикам выполнять приходилось с очень большим риском. Чаще всего, по его словам, с них просто не возвращались. Однажды, во время очередной вылазки, ему пришлось ночевать в заброшенном сарае на каком-то хуторе, зарывшись в сено. Немцев там не было, но каково было удивление, когда, проснувшись, папа обнаружил...

в госпиталях было не безопасно, потому что немцы специально бомбили их. Вместе с бомбами они сбрасывали и листовки с устрашающими словами: «Сегодня мы будем бомбить, а завтра вы будете хоронить».

Зимой солдаты страдали не только от сильных морозов, но и скудного пайка. Два куска сахара, одна папироса и один сухарь – вот всё, что выдавали им на день. Спасались тем, что ели прямо сырым мясом убитых лошадей. А ещё папа говорил, что жевали смолу, и это немало притупляло голод. Очередная разведка для него оказалась последней: снайпер всадил ему две разрывные пули в левое бедро, отчего залило кровью лежавший в кармане сухарь, который папа отдал находившемуся рядом бойцу. Тот сразу же съел его и потащил папу, привязав к лыжам, к санитарной зоне. Это был овраг, усталанный сосновыми ветками. Там вперемешку лежали и страдающие от боли раненые, и уже умершие.

гипс. Потом папа был вывезен из Ленинграда по «дороге жизни», пролежавшей на виду вражеских огневых позиций. А на улицах города лежали трупы, трупы... Их складывали на грузовики, чтобы потом похоронить в общих могилах, и поливали специальной жидкостью, едкий запах которой витал в воздухе. Более полугода пролежал папа в Новосибирском госпитале. Нога не заживала, осколки вытащить не удалось. В конце концов с диагнозом «инвалид 1 группы» он в сопровождении медсестры был отправлен домой.

Это было в конце сорок второго года. В родном

У папы были разные награды, но он особо гордился орденом Славы III степени, который только и носил на пиджаке. И вот в день 55-летия Великой Победы его пригласили на торжество. Достал он из шкафа свой пиджак, а на нём – дырка на том месте, где был прикреплен орден. Гостил у нас один знакомый, которого иначе как мародёром и назвать нельзя: он позарился на орден, вырвав его вместе с кусочком материи. Некогда, видимо, было откручивать...

Папа, конечно, сильно переживал, а со временем стал всё больше сдавать. Вызвала я как-то на дом врача Людми-

тербург. Он надел его на День Победы, а учительница, заметив изъян, сделала замечание: «Энвер, а что, мама не могла зашить дырку?» На что сын ответил: «Это память о моём дедушке. Здесь должен висеть орден, но его украли...»

Мы всегда будем помнить нашего папу и дедушку, который о себе сказал бы так:

Героем не был никогда,
Но помнил я всегда
И первый бой,

и кровь друзей,
И верность до конца –
Она от совести моей
Не отведёт лица.

Я жил не без греха,
дружок,

И нечего таить,
Жалел, не уберёг своих

СТАРЫЙ ПИДЖАК...

Роза ГАЗИМОВА.

Так получилось, что живу я в городе, за который проливал свою кровь мой отец, Абдулла Зябарович Газимов, младший сержант, командир отделения разведки 135 стрелкового полка. Мне кажется, до сих пор его дыханием наполнены и белые ночи, и ладожский ветер, и городские улицы. Написать о папе хотелось всегда, ведь он в своё время столько рассказывал о своих фронтовых дорогах, но лишь теперь, в юбилейный год, я, наконец, собралась с мыслями и взялась за это непростое дело.

В Болгаре его помнят как весёлого, вечно подшучивающего над чем-то человека. Но никто, кроме его близких, не знал, каким ледянящим душу голосом кричал он во сне. Душевные и физические раны кровоточили у него до конца жизни.

Папа был малограмотным. За одно полено (больше платить было нечем) брал уроки у мульты. Но для меня до сих пор остаётся загадкой, почему перед смертью, будучи в бреду, он вдруг заговорил на немецком языке...

На войну ушёл 7 июля 1941 года. Его забрали прямо с работы, он не успел толком даже с родными попрощаться. Попал в самый ад, на передний край. Воевать ему пришлось на Кексгольмском направлении Ленинградского фронта (Кексгольм

– нынешний карельский Приозёрск). Бои там шли жестокие, обстановка создавала реальную угрозу прорыва фашистских войск к Ленинграду, о неминуемом падении которого уже сообщало немецкое радио. Кексгольмское направление – одно из тех, где решалась судьба города. Я всегда интересовалась историей Великой Отечественной войны, а обороной Ленинграда – тем более. В одной из книг прочитала, что на Кексгольмском направлении в живых не осталось никого. Выходит, отцу повезло...

Он рассказывал, что Карелия была просто набита фашистами, и задания разведчикам выполнять приходилось с очень большим риском. Чаще всего, по его словам, с них просто не возвращались. Однажды, во время очередной вылазки, ему пришлось ночевать в заброшенном сарае на каком-то хуторе, зарывшись в сено. Немцев там не было, но каково было удивление, когда, проснувшись, папа обнаружил почти рядом спавшего вражеского солдата. Папа выстрелил первым...

В одном из боёв в живых остались только он и раненый командир. Папа привязал его в бревну и по Ладожскому озеру вплавь выбрался к своим. В другой раз получил сквозное ранение в левую руку. Подлечился быстро, и снова в строй. Статьи, и

в госпиталях было не безопасно, потому что немцы специально бомбили их. Вместе с бомбами они сбрасывали и листовки с устрашающими словами: «Сегодня мы будем бомбить, а завтра вы будете хоронить».

Зимой солдаты страдали не только от сильных морозов, но и скудного пайка. Два куска сахара, одна папироса и один сухарь – вот всё, что выдавали им на день. Спасались тем, что ели прямо сырым мясом убитых лошадей. А ещё папа говорил, что жевали смолу, и это немного притупляло голод.

Очередная разведка для него оказалась последней: снайпер всадил ему две разрывные пули в левое бедро, отчего залило кровью лежавший в кармане сухарь, который папа отдал находившемуся рядом бойцу. Тот сразу же съел его и потащил папу, привязав к лыжам, к санитарной зоне. Это был овраг, усталый сосновыми ветками. Там вперемешку лежали и страдающие от боли раненные, и уже умершие.

Те, кто мог двигаться, залезали друг на друга, чтобы согреться. Здоровой ногой папа отпихивался от пытавшихся отобрать что-нибудь из одежды...

Очнувшись в госпитале, который находился в гостинице «Астория». Хирурги уже готовились ампутировать ногу, но папа не согласился, и тогда его можно сказать, с головы до ног «упаковали» в

гипс. Потом папа был вывезен из Ленинграда по «дороге жизни», пролежавшей на виду вражеских огневых позиций. А на улицах города лежали трупы, трупы... Их складывали на грузовики, чтобы потом похоронить в общих могилах, и поливали специальной жидкостью, едкий запах которой витал в воздухе. Более полугода пролежал папа в Новосибирском госпитале. Нога не заживала, осколки вытащить не удалось. В конце концов с диагнозом «инвалид 1 группы» он в сопровождении медсестры был отправлен домой.

Это было в конце сорок второго года. В родном городе встречало много народу. Здесь взялась его лечить врач Лидия Августиновна Алоз. И ведь сумела вытащить несколько осколков, оставив их папе на память. Потом и Николай Павлович Сотников несколько раз извлекал их, и нога стала заживать. Правда, в результате она получилась на 13 сантиметров короче другой.

У папы были разные награды, но он особо гордился орденом Славы III степени, который только и носил на пиджаке. И вот в день 55-летия Великой Победы его пригласили на торжество. Достал он из шкафа свой пиджак, а на нём – дырка на том месте, где был прикреплен орден. Гостил у нас один знакомый, которого иначе как мародёром и назвать нельзя: он позарился на орден, вырвав его вместе с кусочком материи. Некогда, видимо, было откручивать...

Папа, конечно, сильно переживал, а со временем стал всё больше сдавать. Вызвала я как-то на дом врача Людмилу Васильевну Ефимову (низкий ей поклон от всей нашей семьи, особенно от 90-летней мамы, за чуткость, терпение, внимание к старикам), она и спрашивает у папы: «Что у вас болит?» А он погладил грудь и сказал: «Душа...»

Лежал он недолго, умер тихо. Его пиджак я привезла сыну в Санкт-Пе-

тербург. Он надел его на День Победы, а учительница, заметив изъян, сделала замечание: «Энвер, а что, мама не могла зашить дырку?» На что сын ответил: «Это память о моём дедушке. Здесь должен висеть орден, но его украли...» Мы всегда будем помнить нашего папу и дедушку, который о себе сказал бы так:

Героем не был никогда,
Но помнил я всегда
И первый бой,
и кровь друзей,
И верность до конца –
Она от совести моей
Не отведёт лица.
Я жил не без греха,
дружок,

И нечего таить,
Жалел, не уберёг своих
И жизни я лишал чужих –
На то она война...
Мял папироску – не курил,
Стакан один,

другой давил,
Где надо слёзы лить.
Не малодушничал, а жил,
У власти льгот
не попросил,
И честь свою
я сохранил...

На снимке: Абдулла Зябарович Газимов с женой Рахимой Салаховной.